

Н. Н. Степанов*

ГЕРЦЕН И ЧААДАЕВ

Во всей своей многогранности тема «Герцен и Чаадаев», раскрывающая важные и интересные страницы истории русской общественной мысли 30—60-х годов XIX в., еще не исследована. Не обобщен и материал о личных контактах Герцена и Чаадаева. В данной статье автор и попытался восполнить этот пробел.

В «Былом и думах» Герцен значительную часть главы «Не наши» посвятил Чаадаеву, рассказав об их знакомстве.¹ До своей ссылки в Вятку Герцен видел Чаадаева всего один раз 10 июля 1834 г., — «в самый день взятия Огарева»,² на обеде у М. Ф. Орлова, известного деятеля тайных революционных организаций начала 20-х годов. Об этом Герцен рассказал более подробно во второй части своих мемуаров (в 1853 г.), где описывается также и арест Огарева. На обед к Орлову Герцен и поехал с мыслью, «не может ли он (Орлов. — *Н. С.*) чего-нибудь сделать» для освобождения Огарева. Герцен передает содержание своей беседы с Орловым, а также разговор с генералом Н. Н. Раевским, присутствовавшим на обеде, но нигде не упоминает о Чаадаеве.³ Однако впечатление от встречи с ним у Герцена было настолько сильно, что он попытался затем передать внешний облик Чаадаева в двух литературных произведениях, написанных в ссылке, — в «Первой встрече» и в «Записках одного молодого человека».

Легенды окружали личность Чаадаева, друга Пушкина, участника тайных революционных обществ. Рассказы о Чаадаеве Герцен мог слышать от общих знакомых и прежде всего от М. Ф. Орлова.⁴ В «Былом и думах» Герцен метко заметил, что «московские львы с 1825 года были Пушкин, М. Орлов, Чаадаев, Ермолов».⁵

В «Письмах к будущему другу» (1864) Герцен, рассказывая о создании «Записок одного молодого человека», вспоминал, что в образе Трензинского он, «не думая не гадая, сделал портрет Чаадаева, даже наружность взята с него: «Нежное, белое, как мра-

* Это была последняя предсмертная работа автора.

мор, лицо, серо-голубоватые глаза, холодная улыбка, чело, как череп голый» — так резко осталась его личность в моей памяти». ⁶

Внешний облик Трензинского во многом напоминает наружность главного персонажа из «Первой встречи», написанной Герценом до «Записок одного молодого человека». ⁷

В ссылке молодой Герцен познакомился с работами Чаадаева. В 1836 г. в Вятке он прочитал первое «Философическое письмо», опубликованное в «Телескопе». В «Былом и думах» он подробно рассказал об этом, ⁸ но в 1836 г. прямого упоминания «Философического письма» у него нет. Лишь в письме к Н. А. Захарьиной 30 января — 3 февраля 1837 г. Герцен глухо намекал на «Философическое письмо» и судьбу Чаадаева: назвав «тираном удушливым» 1836 г. и понимая, что и новый, 1837-й, не «с радостным лицом явился», он заметил: «Последние годы нашей жизни похожи на историю римских цезарей, где ряд злодеев наследовал друг другу, где в минуту смерти какого-нибудь Тиберия народ отдыхал, чтоб через день страдать от Нерона. Я потерял веру в 37 год, он не принес с собою рекомендательного письма. . . Ты, я думаю, слышала об одном происшествии в Москве от маменьки или Ег[ора] Ив[ановича] . . . Он дает определение всему 37 году, как кажется». ⁹

Еще М. К. Лемке предположил, что к «происшествию» Герцен отнесил репрессии, примененные властями по отношению к Чаадаеву из-за его «Философического письма». ¹⁰ Это же отмечено и в комментариях к 21 тому академического издания сочинений Герцена и в «Летописи жизни и творчества А. И. Герцена». ¹¹

К сожалению, не сохранились и не дошли до нас полностью переписка Герцена времени его ссылки — письма, в которых Герцен и его друзья, возможно, более определенно отозвались на «Философическое письмо» Чаадаева и на события, последовавшие после его публикации. Имя Чаадаева Герцен впервые упоминает (в сохранившейся переписке) в конце 1838 г. В это время Герцен был уже во второй ссылке во Владимире. 4 ноября 1838 г. он пишет Н. Х. Кетчеру: «Когда будешь у Левашовой, передай ей и Чаадаеву искреннее почтение. . .». ¹²

Подробности «дела Чаадаева» Герцен, очевидно, узнал значительно раньше. В феврале 1838 г. во Владимир приезжал Кетчер, о чем Герцен вспоминал в «Былом и думах». ¹³

Нет никакого сомнения в том, что Кетчер посвятил Герцена в подробности «дела Чаадаева». Кетчер был хорошо знаком с Чаадаевым. В 1838—1839 гг. он жил в доме Левашовых, — там же, где жил и Чаадаев. Герцен в шутку называл его жилище — «упсальское (trans-basmano) владение». ¹⁴ Возможно, что Кетчер был даже переводчиком с французского на русский первого «Философического письма» Чаадаева, — текста, помещенного в «Телескопе» Надеждина. Следствие не установило точно, кто был переводчиком. Подозревали Н. Х. Кетчера, В. Г. Белинского, самого издателя «Телескопа» Н. И. Надеждина, А. С. Норова. ¹⁵

О «деле Чаадаева» Герцен мог узнать и из писем Левашовой,

и Кетчера, хорошо знавших Чаадаева. Через Кетчера Герцен передает приветы Чаадаеву. Писать самому Чаадаеву Герцен, конечно, не мог. Их переписка — политического ссыльного Герцена и находившегося под строжайшим наблюдением Чаадаева — сразу привлекла бы внимание и повлекла новые кары.

7 февраля 1839 г. имя Чаадаева появляется в письме Герцена Кетчеру: «Прилагаю записочку о деле Чаадаева».¹⁶ Судя по последующим письмам Герцена тому же Кетчеру 28 февраля и 27 июля 1839 г.,¹⁷ «дело» Чаадаева касалось его земельных владений. Лемке предполагал, что Чаадаев хлопотал о каком-то имении, находившемся в опеке, считая, однако, что «суть этого дела неясна».¹⁸ Несомненно одно: Герцен, служивший в канцелярии владимирского губернатора, по просьбе Чаадаева собирал необходимые для него документы, только все сношения между ними шли по-прежнему не прямо, а через того же Кетчера, которому Герцен писал 28 февраля 1839 г.: «Вот тебе записка Петра Яковлевича, скажи ему, что я употреблю все старания, чтоб дополнения скоро отослали в Чернигов; но главное, чего хочет П[етр] Як[овлевич] от Владимирского губ[ернского] прав[ления], — здесь это дело не производится, а только составляется опись, и потому здесь нет ни решений, ни заключений».¹⁹ В письме к Кетчеру 27 июня того же года Герцен вновь пишет о «деле» Чаадаева: «Чаадаеву скажи, чтоб он благомысливо взглянул в „Свод“, там он увидит, что дело могло и должно было перенестись в ту губ[ернию], где большая часть. Это же сделано по сенатскому указу. Ergo мысль его подать просьбу в Сенат гораздо вернее напечатанной в историческом 15 № „Телескопа“. Во Владимирской губ[ернии] ничего не производится, кроме собрания справок. Он думает, что дв[орянская] опека хочет продолжить владение имением — kann möglich sein, habe nichts dagegeñ».²⁰

В переписке Герцена с Кетчером о Чаадаеве обращают на себя внимание два обстоятельства. Герцен поручает Кетчеру поблагодарить Чаадаева «за его поручение», которое показало ему, что «он не забыл схимника владимирского, который питает к нему чувства. . .»²¹ и вместе с тем довольно критически пишет о «Философическом письме» Чаадаева. Отзыв Герцена в письме от 27 июня, несмотря на его краткость, имеет немаловажное значение для суждения об оценке Герценом в тридцатых годах «Философического письма» Чаадаева. Нельзя забывать того, что рассказ в «Былом и думах» о впечатлении, произведенном на Герцена в 1836 г. «Философическим письмом», написан позднее, в пятидесятые годы и в нем, возможно, отражены последующие раздумья над этим произведением. Поэтому при оценке суждений Герцена в тридцатые годы об идеях Чаадаева в его «Философическом письме» этот краткий отзыв должен быть учтен.

В ссылке, а возможно еще в Москве, в студенческие годы, Герцен познакомился еще и с помещенной в «Телескопе» (1832, № 11) статьей Чаадаева (без подписи автора) «Нечто из переписки (с французского)». Гершензон считал эту статью четвер-

тым «Философическим письмом» Чаадаева.²² Как показал Д. И. Шаховской, статья не имеет прямого отношения к «Философическим письмам» и стоит особо в творчестве Чаадаева.²³ С этой статьей Герцен, возможно, познакомился еще в начале 30-х годов, в свою студенческую пору, скорее всего в 1832 г., когда он писал, но так и не закончил «Развитие человечества, как и одного человека...» — рецензию на помещенную в «Телескопе» статью. Первая печатная работа друга Герцена Огарева также была опубликована именно в «Телескопе» в 1831—1832 гг.

В ссылке Герцен пишет статью об архитектуре (до нас дошли только три отрывка из нее), где он, в частности, упоминает (во втором, датируемом примерно 1838 г.) «одного соотечественника», которому «пришло в голову сравнить готизм с египетской архитектурой. Мысль чрезвычайно глубокая».²⁴ Этим «соотечественником» был, конечно, Чаадаев, проведший такое сравнение в статье «Нечто из переписки».²⁵ Идея о близости готического стиля и стиля египетской архитектуры — мысль, роднящая взгляды Чаадаева и Герцена в тридцатых годах, — идея, бесспорно, интересная, но все же относящаяся к частному вопросу. Важнее подчеркнуть, что в тридцатых годах между Герценом и Чаадаевым была идейная близость по важным теоретическим и политическим вопросам.

Чаадаев, бывший участник тайных обществ, и Герцен, последователь декабристских традиций, шли независимо друг от друга в разработке и утверждении данных теоретических положений. Общей идейной основой были поиски новых путей в преобразовании общества.

А. Володин в работе «В поисках революционной теории» правильно указал на эту близость: «Социально-религиозные искания Герцена были созвучны христианскому социализму. Идеи, на которые он опирался в эти годы, были аналогичны тем теоретическим положениям, которые развивали примерно в это же время Ламенне и Леру, а в России — П. Я. Чаадаев и отчасти В. Ф. Печерин. Как и эти мыслители, Герцен видел в религии, обладающей большой силой воздействия на массы, средство достижения человеческого счастья и благоденствия, осуществления мира «истинной нравственности».²⁶

В таких произведениях 30-х гг., как «Из римских сцен», «Легенда», «Лициний» и «Вильям Пен», Герцен рассматривал религию как путь к созданию идеального строя на земле, — путь создания ассоциации, осуществляющей идею «полного усовершенствования рода человеческого». Еще в августе 1833 г., в письме к Огареву, Герцен раскрыл свое понимание процесса развития человечества к «мечте своей», к всемирной ассоциации: «„Любите друг друга, помогайте друг другу“ — вот необъятное основание, на котором зиждется христианство. Но люди не поняли его. Его первая фаза была мистическая (католицизм); но вред ли это? Нет... Вторая фаза — переход от мистицизма к философии (Лютер). Ныне же начинается третья, истинная, человеческая, фаланстерство (может быть, с[ен]-симонизм??)».²⁷ В. П. Волгин справед-

ливо указал, что это письмо Герцена ярко и полно отображает характер социалистических воззрений Герцена тридцатых годов.²⁸

В «Философических письмах» Чаадаева та же, что и у Герцена характеристика античного мира, та же идеализация раннего христианства, тот же путь к идеальному обществу через осуществление доктрины христианства: «Не варвары разрушили древний мир. Это был истлевший труп; они лишь развеяли его прах по ветру».²⁹ О будущем Европы он писал: «Конечно, она не вернется больше к тому состоянию, в котором находилась в эпоху своей юности и роста, но нельзя также сомневаться, что наступит день, когда границы, разделяющие христианские народы, снова изгладятся, и первоначальный принцип нового общества еще раз проявится в новой форме и с большей силой, чем когда бы то ни было».³⁰

Общим у молодого Герцена и Чаадаева было и пристальное внимание к Сен-Симону с его проповедью «нового христианства», как морали будущего социалистического общества. В письме к Огареву от 19 июля 1833 г. Герцен, только что окончивший университет, пишет: «Ты прав, saint-simonisme имеет право нас занять. Мы чувствуем (я тебе писал это года два тому назад и писал оригинально), что мир ждет обновления (...), надобно другие основания положить обществом Европы; более права, более нравственности; более просвещения. Вот опыт — это s(aint)-sim(onisme)».³¹

Большой интерес к сен-симонизму проявил и Чаадаев. В письме к Пушкину в сентябре 1831 г. он писал: «Но смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. Быть может на первых порах это будет нечто, подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует С.-Симон в Париже».³²

Последним произведением молодого Герцена, где он отдал дань религии, где христианство трактуется как «религия социальная, прогрессивная», был «Вильям Пен», написанный в 1839 г.

Оценивая идеи В. Пена и Лициния, Герцен писал в 1861 г.: «В них ясно виден остаток религиозного воззрения и пути, которыми оно перерабатывалось не в мистицизм, а в революцию, в социализм».³³ Окончательное освобождение Герцена из-под власти религиозных воззрений падает на 1842 г., когда он познакомился с «Сущностью христианства» Л. Фейербаха. Позже Герцен писал: «Прочитав первые страницы, я вспрыгнул от радости. Долой маскарадное платье, прочь косноязычие и иносказания, мы свободные люди, а не рабы Ксанфа, не нужно нам облекать истину в мифы».³⁴ В сороковых годах Герцен уже разъединял, рассматривал порознь социализм и религию. Чаадаев же и в сороковые годы продолжал считать, что справедливый строй на земле установит церковь.

Но даже прочерчивая черты близости в идейных позициях Герцена и Чаадаева в тридцатых годах, нельзя не видеть и сущест-

венных отличий между ними. Апология католицизма, важнейший элемент в системе взглядов Чаадаева, была чужда Герцену.

Словом, в начале тридцатых годов (годы ссылки Герцена) разделенные друг от друга большим расстоянием, Герцен и Чаадаев были довольно близки по своим идейным воззрениям. В конце же тридцатых и сороковые годы, когда они жили в одном городе и часто по приятельски встречались, их идейные позиции отстояли далее одна от другой, нежели прежде. В «Былом и думах» Герцен писал, что, возвратившись в Москву из ссылки, он «сблизился с Чаадаевым» и с тех пор до его отъезда за границу в 1847 г. они были «в самых лучших отношениях». ³⁵ «Я его всегда любил и уважал и был любим», — вспоминал Герцен. ³⁶ В 1847 г. Герцен дарит экземпляр книги «Кто виноват?» Чаадаеву с надписью: «Петру Яковлевичу Чаадаеву в знак глубокого уважения». ³⁷ Записи дневника Герцена и его переписка 1842—1845 гг. содержат большой материал о встречах Герцена с Чаадаевым, их беседах и спорах. ³⁸

Чаадаев по-прежнему бывал у Орлова, в его кругу. Бывал здесь и Герцен. «Главное место по талантам и странностям занимал в этом кругу Чаадаев», — записывает Герцен. ³⁹ Позже, в «Письмах к будущему другу» (1864) Герцен даст яркую сравнительную характеристику Орлова и Чаадаева: «В тридцатых годах меня поразили две личности, две уцелевшие античные колонны на топком грунте московского великосветского *campo vaccino*. ⁴⁰ Они стояли рядом, напоминая своей печальной, своей изящной ненужностью что-то рухнувшее — что именно, было трудно сказать, полиция подобрала все развалины и все осколки. Орлов и Чаадаев были первые лишние люди, с которыми я встретился. Они были розны. . . Я лучше многих знал их недостатки, но для меня они были библейскими личностями, живыми легендами, я их принимал, как они есть, не торгуясь, не бракуя, и потому-то, может, лучше других понял их трагическое явление. Они были сломанные люди, один совершенно *dépaysé*, ⁴¹ другой оскорблен; их упрекали за это люди, которые никогда не решились бы упрекнуть человека с переломленной ногой, что он хромает. . .». ⁴² После смерти Орлова Чаадаев показывал Герцену «два небольшие пятна на стене над спинкой дивана», где «прислонили голову Орлов и Пушкин». ⁴³ Встречи Герцена с Чаадаевым имели место и на квартире у Чаадаева, ⁴⁴ и у самого Герцена, ⁴⁵ и в салонах А. П. Елагиной ⁴⁶ и Д. Н. Свербеева. ⁴⁷ Собирались западники, славянофилы, либералы, консерваторы.

«Споры возобновлялись на всех литературных и нелитературных вечерах, на которых мы встречались, — вспоминал позже Герцен, — а это было раза два или три в неделю. В понедельник собирались у Чаадаева, в пятницу у Свербеева, в воскресенье у А. П. Елагиной». ⁴⁸ Герцен писал, как в «московских гостиных» Чаадаев сердил оторопевших аристократов и «православных славян» колкими замечаниями, всегда отлитыми в оригинальную форму и намеренно замороженными. ⁴⁹ 6 апреля 1840 г. Герцен

писал М. Н. Похвисневу, владимирскому чиновнику, близкому знакомому: «Был я у Чаадаева, — конечно, индивидуальность этого человека — *à plus d'un sens*⁵⁰ очень любопытна; люди, толпящиеся около, большею частью совершенно недобросовестны и в главе их Хомяков, человек эффектов, совершенно холодный для истины».⁵¹ В «Былом и думах» Герцен дал еще более выразительную характеристику общества, собиравшегося в гостиной Чаадаева: «Знакомство с ним могло только компрометировать человека в глазах правительствующей полиции. Откуда же шло влияние, зачем в его небольшом скромном кабинете в Старой Басманной толпились по понедельникам „тузы“ английского клуба, патриции Тверского бульвара? Зачем модные дамы заглядывали в келью угрюмого мыслителя, зачем генералы, не понимающие ничего штатского, считали себя обязанными явиться к старику, неловко прикинуться образованными людьми и хвастаться потом, перевирая какое-нибудь слово Чаадаева, сказанное на их же счет? Затем я встречал у него Дикого Американца, Толстого и дикого генерал-адъютанта Шипова, уничтожавшего просвещение в Польше».⁵² Здесь, у Чаадаева, Герцен встретился и с аристократом, иезуитом, кн. И. С. Гагариным «в 1843 или 44 году», как он позже вспоминал.⁵³ Герцен дал великолепный портрет Чаадаева на «линючем и тяжелом фоне московской *high life*».⁵⁴ Он метко заметил, что Чаадаев «стоял как-то особняком между новыми людьми и новыми вопросами».⁵⁵ Подчеркивая оторванность Чаадаева от практического дела, Герцен писал в дневнике от 17 сентября 1844 г.: «Всякий раз, как я вижу Чаадаева, например, я содрогаюсь. Какая благородная, чистая личность, и что же — в этой жизни тяжелая атмосфера северная сгибает в ничтожную жизнь маленьких прений, пустой траты себя словами о ненужном, ложной заменой истинного дела и слова. Хорошо, кому это по натуре, как Хомякову, — он родился для византийско-петербургского порядка дел».⁵⁶

10 октября 1842 г. Герцен сделал пространную запись в дневнике, пожалуй, наиболее важную и принципиальную о Чаадаеве в сороковые годы: «Спор с Чаадаевым о католицизме и современности; при всем большом уме, при всей начитанности и ловкости в изложении и развитии своей мысли он ужасно отстал. Даже мне было жаль употреблять все средства, в нем как-то благородно воплотилась разумная сторона католицизма. Он в ней нашел примирение и ответ, и притом не путем мистики и мистицизма, а социально-политическим воззрением. Но тем не менее и это голос из гроба, — голос из страны смерти и уничтожения. Нам странен этот голос. Истинного оправдания нет им, что они не понимают живого голоса современности».⁵⁷

Исходя из такой оценки Герценом взглядов Чаадаева понятна и его запись от 8 января 1843 года, в которой он до некоторой степени сближает позиции Чаадаева с позициями кн. И. С. Гагарина, ревностного пропагандиста католицизма. «Партия католиков всех дальше в нелепости. Она нелепа во Франции, ибо като-

лицизм имел торжественный момент развития и столько же торжественный момент признания дряхлости, бессилия. О его воскрешении смешно думать на Западе, — ну да, французы — католики *par métier*,⁵⁸ а каково же в наш век сделаться католиком *par affinité élective*,⁵⁹ сделаться иезуитским пропагандистом! Жаль откровенности, с которой бросаются в эти мертвые пути. Таков князь Гагарин, он считает Чаадаева *отсталым*. Понять можно, — аристократ, вероятно, не получивший серьезного образования, ни сильного таланта, — между тем ум и горячее сердце, бог привел взглянуть на Францию, на Европу. Дома-то черно, страшно. Путь человечества неизвестен. Основные, краеугольные начала современного взгляда, аутономия разума, история — *terra incognita*.⁶⁰ А тут случайная встреча с иезуитом, с безумным католиком; перед непривычным глазом разворачивается в первый раз учение, мощно развитое из своих начал (которые вперед втесняют своим авторитетом) — удивленный человек предается вымершему принципу. Таланты Чаадаева делают его более ответственным».⁶¹

В этой оценке Герцена нет отождествления позиций Гагарина и Чаадаева. Герцен подчеркивает, что Гагарин считает Чаадаева отсталым. Ревностный последователь католицизма Гагарин все мерил, исходя из этого «вымершего принципа», по определению Герцена. Для Чаадаева же католицизм не был самоцелью, как для Гагарина. Чаадаев был прежде всего отрицателем николаевской России, ее резким критиком, чем и был дорог Герцену. Сближало их и отрицательное отношение к славянофильству,⁶² и общность трактовки ряда вопросов истории России, связанная с критикой современной им крепостнической России. Еще Г. В. Плеханов подчеркнул эту близость: «На прошлое России он смотрел — почти так же, как и Чаадаев».⁶³ Мысль Г. В. Плеханова подтверждает сравнительный анализ «Философического письма» Чаадаева и литературного наследия Герцена сороковых годов. В статьях Герцена в 40-х гг., особенно в его «Дневнике», мы найдем мысли об истории России, совпадающие со взглядами Чаадаева: 1) об оторванности исторического пути России от исторического пути Запада; 2) о застойной состоянии России до XVIII в.; 3) о прогрессивной роли католицизма в историческом прошлом в Западной Европе по сравнению с консервативной и реакционной ролью православной церкви в России; 4) о преемственности застоя в России от Византии; 5) о Петре I и его эпохе как разрыве с прошлым России, о европеизации России как основном содержании этой эпохи.

«Запад... преемник древнего мира», — «результат всего движения и всех движений — все прошлое и настоящее человечества», — записал Герцен в дневнике 6 ноября 1842 г.⁶⁴ 17 февраля 1844 г. он добавил: «Прошедшее христианство принадлежит Европе романо-германской, католицизму, феодализму и их разложению. Во всем этом славяне не участвовали».⁶⁵ 20 июля 1844 г. Герцен записывает в дневнике мысли о византийской церкви,

о ее раболепстве перед императорами, освящении ею рабства и перехода этих черт византийского общества на социальное устройство России.⁶⁶

В фельетоне «Москва и Петербург» (1842)⁶⁷ Герцен писал о прошлом России: «Мы и в нем не жили, а только кой-как существовали». Москва, как олицетворение допетровских порядков, по словам Герцена, «ничего не значила для человечества, а для России имела значение омута, втянувшего в себя все лучшие силы ее и ничего не умевшего сделать из них». «Летаргический сон Москвы придает москвичам их пекино-хухунорский характер стоячести, который навел бы уныние на самого отца Иоакимфа». «А зачем же мы представляли несколько веков стоячее болото?» — записывает в дневнике Герцен 26 октября 1843 г.⁶⁸ Петр разрывает со всем прошлым России, он увидел, «что для России одно спасение — перестать быть русской», «он решился двинуть нас во всемирную историю».⁶⁹ Петровский период важен именно, как «разрыв, как критика и отрицание». Герцен не идеализирует Петра I и его реформы: «В петровский период внесена бездна зла, аристократия, инквизиционный процесс, военный деспотизм, разделение сословий, произвольные нововведения. . .».⁷⁰ Сам Петр «с наружностью и с духом полуварвара», «человек, отрекшийся от всего былого страны своей», «кровью водворяющий новый порядок», «он принадлежал новой Европе» и «внедрял ее как варвар».⁷¹ В записи 9 июля 1844 г. Герцен подчеркнул близость своей концепции русской истории с ее противопоставлением исторического пути России и Западной Европы, характеристикой допетровской России как застойной, и Петровской эпохи как переломной, — чаадаевской концепции: «А, видно, как Чаадаев говорит в своей статье, чего-то недостает в голове, мы не умеем сделать силлогизм европейский».⁷²

Указывая на близость герценовского понимания истории России (до XVIII в.) с чаадаевской концепцией, мы, однако, указываем и на их существенные отличия. Если Чаадаев считал, что католицизм выведет Россию на широкую, европейскую дорогу, то для Герцена католицизм был «вымершим принципом». Прогрессивность католической церкви для Герцена исчерпывалась эпохой феодализма. Герцен, так же как Чаадаев, противопоставлял католическую церковь средних веков, как свободную организацию, византийской православной церкви, раболепной перед государством и освятившей своим авторитетом рабство и крепостничество. «Католицизм, отправляясь от великой мысли единства и поглощая государство, сам стал церковью и государством, византийская церковь скромно легла у подножия трона», — записал Герцен в дневнике 20 июля 1844 г.⁷³ Будущее России Герцен связывал с революцией, социализмом, пути осуществления которого были ему еще не ясны. Герцен колебался, размышляя, где начинается эра социализма, — в Западной Европе или в России, по ее наступлению он никак не связывал с религией. Все вышеприведенные цитаты взяты из «Дневника» Герцена, который

он вел для себя, и фельетона «Москва и Петербург», не предназначавшегося для печати. В опубликованных в сороковые годы произведениях Герцена вышеприведенных характеристик истории России нет. И это вполне понятно. Перед Герценом был живой пример, к чему могла привести публикация подобных мыслей — судьба Чаадаева, объявленного сумасшедшим.

В 1847 г. на прощальном ужине в честь Герцена, покидавшего Россию, был и Чаадаев. Описывая этот вечер, Герцен отметил, что предложил первый тост «за старшего из нас» — за Чаадаева. «Чаадаев был тронут, но тотчас принял свой холодный вид, выпил бокал и вдруг опять встал, подошел ко мне, обнял меня, пожелал нам счастливого пути и с словами «простите меня, мне пора» вышел вон. Я его не удерживал и проводил до дверей; стройная, прямая в старости фигура Чаадаева исчезла в дверях среди приутихшего пира и так осталась в моей памяти, я его больше не видел».⁷⁴ Так вспоминал Герцен в 1864 г. свою последнюю встречу с Чаадаевым, уже после его смерти.

Новый период в жизни Герцена — жизнь за границей — была и новым этапом в оценке им идей Чаадаева и его роли в освободительном движении в России. Герцен неоднократно писал о Чаадаеве в это время. В таких статьях, как «La Russie» — «Россия» (1849), «Михаил Бакунин» (1851), «О романе из народной жизни в России» (1857), «Россия и Польша» (1859), «Русские немцы и немецкие русские» (1859), «Лишние люди и желчевики» (1860), «Константин Сергеевич Аксаков» (1861), «Провинциальные университеты» (1861), «1831—1863» (1863), «Новая фаза в русской литературе» (1864), «Письма к противнику» (1864), «Письма к будущему другу» (1864), «Исторический очерк о героях 1825 года и их предшественниках по их воспоминаниям» (1868), «Еще раз Базаров» (1868) — содержится самый разнообразный материал о Чаадаеве. Герцен уделил видное место Чаадаеву и в своих книгах — «О развитии революционных идей в России» (1850) и «Былое и думы».

Уже в статье «La Russie», появившейся в газете «Voix du peuple» в ноябре—декабре 1849 г., — первой своей работе о России, обращенной к западноевропейскому читателю, Герцен пишет о Чаадаеве: «...через десять лет после 26 октября, один мыслитель бросил в мир несколько листков, которые повсюду, где только есть читатели в России, вызвали потрясение, подобное электрическому удару». В «Письме» Чаадаева выразился «взгляд разгневанного человека, глубоко оскорбленного в самых благородных своих чувствах». В нем он «требует у России отчета за все страдания» и «проклинает Россию в ее прошедшем», «презирает ее настоящее и предсказывает лишь несчастье в будущем». «Чаадаев во многом был неправ», — замечает Герцен, — но появление письма было оправдано, «жалоба его была законна». «Письмо» Чаадаева появилось после «десятилетнего террора, нам надобно было увидеть гибель всех наших друзей, славу осады Варшавы и усмирение Польши».⁷⁵ В письме московским друзьям

из Женевы от 27—28 сентября 1849 г. Герцен, извещая их о своем намерении послать им книгу «Vom andern Ufer» («С другого берега»), в которую входила и статья «La Russie», надеялся, что Чаадаев скажет: «Да, я его формировал, мой ставленник».⁷⁶

В 1850 г. Герцен, публикуя свой труд «Du développement des idées revolutionnaires en Russie» («О развитии революционных идей в России»), отводит в нем Чаадаеву видное и почетное место. Герцен рассказал в этом труде западноевропейскому читателю историю публикации «Философического письма» Чаадаева и дал его развернутую характеристику. Письмо сыграло крупнейшую роль в развитии революционного движения в России, оно «прозвучало подобно призывной трубе; сигнал был дан, и со всех сторон посылались новые голоса; на арену вышли молодые бойцы, свидетельствуя о безмолвной работе, производившейся в течение этих десяти лет».⁷⁷ Вместе с тем Герцен не согласен с общей концепцией Чаадаева: «Заключение, к которому приходит Чаадаев, не выдерживает никакой критики. . .», — пишет он и подчеркивает особо: «Сейчас мы видим все по-другому, мы рассматриваем русскую историю с иной точки зрения».⁷⁸

Историческая концепция Герцена в книге «О развитии революционных идей в России» носит, однако, двойственный характер. С одной стороны, в ней сохранены еще типичные пессимистические чаадаевские положения о России до XVIII в. На время Петра I падает «внезапное появление» России, и «мыслитель» как бы чувствует «новую силу, стремящуюся пробить земную кору и вырваться наружу, будто он слышит в неведомой дали близящийся шаг исполина».⁷⁹

Таковы идеи «введения» книги Герцена, перекликающиеся с идеями Чаадаева. Вместе с тем конкретное содержание основных глав труда Герцена находится в явном противоречии с этими идеями. Характеризуя отличие удельной Руси от стран Западной Европы, Герцен, однако, замечает: «Но если русское государство и отличалось столь существенным образом от других государств Европы, это отнюдь не дает права предполагать, что оно стояло ниже их до XIV века. Русский народ в те времена был свободнее народов феодального Запада». «Россия единственная среди всех славянских стран» сложилась «в стройное, могучее государство».⁸⁰ Иной характер получает и оценка православия в истории России. Она не отрицательная, как в исторической концепции Чаадаева и у Герцена в 30-х гг. «Обращение России в православие является одним из тех важнейших событий, неисчислимы последствия которых, сказываясь в течение веков, порой изменяют лицо всего мира. Не случись этого, нет сомнения, что спустя полстолетия или столетие в Россию проник бы католицизм и превратил бы ее во вторую Хорватию или во вторую Чехию».⁸¹ Иной становится и оценка Москвы. «Именно там и завязался центральный узел русской жизни», — пишет Герцен.⁸² По-новому смотрит он и на процесс централизации: «Необходи-

мость централизации была очевидна, без нее не удалось бы ни свергнуть монгольское иго, ни спасти единство государства». ⁸³

Книга Герцена нелегально распространялась в России. Прочел ее и Чаадаев. В письме Герцену 26 июля 1851 г. он писал: «Слышу, что вы обо мне помните и меня любите. Спасибо вам. . . Благодарю вас за известные строки». ⁸⁴ Произведение Герцена имело большой и заслуженный успех в Западной Европе. Оно знакомило европейскую общественность с историей русского революционного движения, сыграло положительную роль и в популяризации имени Чаадаева.

В 1852 г. в Париже вышла работа известного французского историка Ж. Мишле «Польша и Россия. Легенда о Костюшко». Важнейшим источником для Мишле послужила книга Герцена. Мишле впервые в западноевропейской печати в развернутой форме дал характеристику Чаадаева и его взглядов, он также воспроизвел важнейшие суждения Герцена о Чаадаеве. ⁸⁵ Несколько лет спустя после выхода книги Мишле Герцен послал ему портрет Чаадаева и писал: «Это его Николай объявил сумасшедшим, посмотрите только на этот великолепный лоб — какая насмешка». ⁸⁶

В четвертой части «Былого и дум» (1854—1857) Герцен вновь вернулся к Чаадаеву. Страницы, посвященные Чаадаеву в XXX главе «Былого и дум», — наиболее полная и развернутая характеристика Чаадаева, данная Герценом в его работах. Интересные строки о Чаадаеве имеются и в главе XXV, посвященной Белинскому, Бакунину и кругу Станкевича.

Характеристика взглядов Чаадаева, данная Герценом в его эпопее, перемежается с воспоминаниями о Чаадаеве 20-х гг., о встречах с ним и беседах, о чтении письма Чаадаева в Вятке в 1836 г. и т. д. Всюду прослеживается теплое, дружеское отношение Герцена к Чаадаеву.

Г. В. Плеханов писал, что Герцен дал в «Былом и дум» «поистине художественную характеристику» Чаадаева. ⁸⁷ Но здесь еще содержится и определение его идейных позиций. Герцен устанавливает связь между взглядами Чаадаева и взглядами идеологов-защитников и теоретиков католицизма в Западной Европе двадцатых-сороковых годов. И вместе с тем Герцен указывает на особое место Чаадаева в этой плеяде мыслителей и идеологов. Система взглядов Чаадаева — «революционный католицизм». ⁸⁸

Шестидесятые годы — новый этап в истолковании Герценом творческого наследия Чаадаева и его значения в истории русской общественной мысли. В эти годы герценовская оценка Чаадаева столкнулась с иной, принципиально противоположной, клерикальной. В 1860 г. эмигрант кн. И. С. Гагарин, «Гагарин — католик», как о нем писал Герцен, космополит по своим убеждениям (характерно его прозвище — «Парижанин») выступил за границей с публикацией произведений Чаадаева и с оценкой его идей, акцентируя внимание на слабых сторонах мировоззрения Чаадаева — его увлечении католицизмом. Гагарин печатает в парижском

журнале «Correspondent» «Философическое письмо» Чаадаева и отправляет оттиск Герцену. 21 июля 1860 г. Герцен вежливо поблагодарил за присылку оттиска.⁸⁹

В 1862 г. Гагарин, посылая Герцену изданные им «Избранные сочинения» Чаадаева, писал: «Я знаю, какая бездна нас разделяет, но память Чаадаева и искренняя наша и моя дружба к нему служат между нами звеном. . .».⁹⁰ Герцен и на эту посылку ответил вежливым письмом, сообщив, что присланные «книги Чаадаева» он «не успел еще прочитать».⁹¹

Публикаций текстов Чаадаева И. С. Гагарин стремился создать облик Чаадаева весьма далеким и даже противоположным тому, который нашел свое воплощение в работах Герцена. В обширном предисловии Гагарин характеризовал Чаадаева лишь как «замечательного человека, который, не будучи сам католиком, тем не менее явился одним из крупнейших апологетов католицизма».⁹² Связи Чаадаева с передовым общественным движением извращались, идеи «Философического письма» рассматривались как узко религиозные, обходился вопрос о значении «Письма» Чаадаева как протеста против самодержавия и православия, против всей доктрины «официальной народности». Так Гагарин положил начало легенде о Чаадаеве как религиозном мыслителе. Острые такого толкования было направлено против Герцена.

Герцен выступил против фальсификации Гагарина в защиту подлинного Чаадаева, опубликовав в «Полярной Звезде» (1861, кн. VI), «Письмо» с кратким предисловием. Он не дает здесь развернутой оценки идей Чаадаева, а отсылает читателя к «Былому и думам» и к книге «О развитии революционных идей в России», где была представлена наиболее полная характеристика Чаадаева. Сам факт опубликования «Письма» в «Полярной Звезде» Герцен стремился противопоставить публикации Гагарина, подчеркнуть связь идей Чаадаева с их идеями, идеями русских революционеров, как бы еще раз утвердив, что наследство Чаадаева по праву берет на себя революционная демократия, не уступая его реакционному клерикально-космополитическому лагерю. Герцен ограничивается в предисловии лишь кратким указанием, что «Письмо» Чаадаева явилось «протестом» в самодержавной России, с которого «начинается точка перелома общественного мнения». Герцен не отождествляет взглядов Чаадаева и своих. Он и здесь указывает: «Наше воззрение на Русь не согласно с воззрениями Чаадаева».

Во многих работах Герцена шестидесятых годов, как уже отмечалось, мы вновь находим значительный материал о Чаадаеве. Принципиальные оценки взглядов Чаадаева повторяют в основном оценки «Былого и дум» и книги «О развитии революционных идей в России», но есть и новые черты в подходе Герцена к Чаадаеву. Интересен мемуарный материал о Чаадаеве тридцатых годов, страницы о влиянии личности Чаадаева на создание образа Трензинского, которые мы находим в статьях «Новая фаза в русской литературе» и «Письма к будущему другу».

Последней статьей, в которой Герцен вернулся к Чаадаеву, была статья «Еще раз Базаров», опубликованная в «Полярной Звезде» на 1869 год». Здесь Герцен сближает Чаадаева с образом Чацкого в «Горе от ума»: «Если в литературе сколько-нибудь отразился, слабо, но с родственными чертами, тип декабриста — это в Чацком. В его озлобленной, желчевой мысли, в его молодом негодовании слышится здоровый порыв к делу, он чувствует, чем недоволен, он головой бьет в каменную стену общественных предрассудков и пробует, крепки ли казенные решетки. Чацкий шел прямой дорогой на каторжную работу, и если он уцелел 14 декабря, то наверное не сделался ни страдательно тоскующим, ни гордо презирающим лицом. Он скорее бросился бы в какую-нибудь негодующую крайность, как Чаадаев, — сделался бы католиком, ненавистником славян или славянофилом, — но не оставил бы ни в каком случае своей пропаганды, которой не оставлял ни в гостиной Фамусова, ни в его сенях, и не успокоился бы на мысли, что „его час не настал“».⁹³

Герценовская оценка мировоззрения Чаадаева была подвергнута «уничтожающей» критике со стороны Гершензона в 1908 г., продолжившего «борьбу за Чаадаева», которую вел в пятидесятых годах против Герцена иезуит Гагарин. Гершензон писал: «По чудовищному, хотя и очень понятному недоразумению, русское образованное общество искони чтит в Чаадаеве одного из пионеров своего освободительного движения. Историки русской общественности бестрепетной рукой занесли его имя на скрижали нашего политического подвижничества. . . Родоначальником этой легенды надо признать Герцена, который в своей известной книге «*Du developpement des idées revolutionnaire en Russie*» (1851) отвел Чаадаеву одно из самых видных мест в истории русской революционной мысли. С тех пор эта репутация твердо держится за Чаадаевым».⁹⁴ Сам Гершензон определил систему взглядов Чаадаева как «теорию социального мистицизма».⁹⁵ Взгляды Гершензона подверг справедливой критике Г. В. Плеханов.⁹⁶

Советская историография продолжает традиции Герцена — Плеханова в изучении мировоззрения Чаадаева.⁹⁷

При анализе взаимоотношений Герцена и Чаадаева, как и при изучении места Герцена в русской революционной борьбе и общественной жизни, для советских исследователей первостепенное значение имеют ленинские высказывания. Дав глубоко и всестороннюю оценку политическим и философским взглядам Герцена, В. И. Ленин отметил и особенности присущего Герцену скептицизма, который наряду с пессимизмом овладел им после поражения революции 1848 г. Со всей определенностью В. И. Ленин писал о том, что проявившийся в эти годы скептицизм Герцена «был формой перехода от иллюзий „надклассового“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата».⁹⁸ Это ленинское указание позволяет с большей ясностью оценить сильные стороны мировоззрения Герцена, сумевшего в отличие от Чаадаева не замыкаться

в рамках пессимистических исканий и пассивного протеста, обратиться к активной борьбе против самодержавия.

Став же на путь деятельного участия в освободительном движении, Герцен не только пошел путем, ничего общего уже не имевшим с позицией Чаадаева, а сумел в конце жизни осознать и ошибочность взглядов таких участников революционного движения, каким был, например, идеолог бунтарского течения в народничестве М. А. Бакунин. Как писал В. И. Ленин, «разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс, — к тому Интернационалу, который начал „собирать подлики“ пролетариата, объединять „мир рабочий“, „покидающий мир пользующихся без работы“!».⁹⁹

¹ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954—1966, т. 9, с. 141.

² Точнее, арест произошел в ночь с 9-го на 10-е июля (см.: Там же, т. 8, с. 172. См. также: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812—1850. М., 1974, с. 60).

³ Герцен А. И. Собр. соч., т. 9, с. 60.

⁴ Герцен часто бывал у М. Ф. Орлова в начале 30-х гг. В следственной комиссии он показывал 24 июля 1834 г., что знал «довольно коротко» М. Ф. Орлова (Герцен А. И. Собр. соч., т. 21, с. 410). Герцен вспоминал, что его отец, И. А. Яковлев, неодобрительно смотрел на это его знакомство, но не препятствовал ему. «Косо поглядывал мой отец на то, что я, дичась общества почтенных и солидных людей, с такой горячностью и готовностью бежал по первому приглашению Орлова, — „конечно умного, но опасного человека“». (Там же, т. 18, с. 90).

⁵ Герцен А. И. Собр. соч., т. 9, с. 71.

⁶ Там же, т. 18, с. 90.

⁷ Там же, т. 1, с. 108.

⁸ Там же, т. 9, с. 139—140. См. также: Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем / Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919, т. XIII, с. 126. По расчетам составителей «Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1842—1850» (с. 103), журнал был получен Герценом «вероятно» в конце октября—ноября.

⁹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 21, с. 139.

¹⁰ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем, т. 1, с. 385.

¹¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 21, с. 508; Летопись... , с. 114.

¹² Герцен А. И. Собр. соч., т. 21, с. 397.

¹³ Там же, т. 8, с. 359.

¹⁴ Там же, т. 22, с. 36. «Упсальский барон» — шуточное прозвище Н. Х. Кетчера. «Васмапо» — указывает на дом Левашовых на Новой Басманной улице в Москве, где жил Кетчер.

¹⁵ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература. 1826—1855. М., 1908, с. 417—418; Сочинения и письма П. Я. Чаадаева / Под ред. М. О. Гершензона. М., 1913, т. 1, с. 367.

¹⁶ Герцен А. И. Собр. соч., т. 22, с. 10.

¹⁷ Там же, с. 12, 35.

¹⁸ Полн. собр. соч. и писем, т. II, с. 239, прим. 3.

¹⁹ Собр. соч., т. 22, с. 12.

²⁰ Там же, с. 35. «...возможно, ничего не имею против» (нем.).

²¹ Там же, с. 11.

²² Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, т. 1, с. 367.

²³ Шаховской Д. П. Я. Чаадаев — автор «Философических писем». — В кн.: Литературное наследство. М., 1935, № 22/24, с. 8—9.

²⁴ Герцен А. И., т. 1, с. 327.

²⁵ Сочинения и письма П. Я. Чаадаева. М., 1914, т. 2, с. 173.

- ²⁶ Володин А. В поисках революционной теории (А. И. Герцен). М., 1962, с. 17—18.
- ²⁷ Герцен А. И. Собр. соч., т. 21, с. 23.
- ²⁸ Волгин В. И. Социализм Герцена. — Вопросы истории, 1962, № 5, с. 41.
- ²⁹ Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, т. 2, с. 138.
- ³⁰ Там же, с. 139.
- ³¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 21, с. 20.
- ³² Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, т. 2, с. 180.
- ³³ Герцен А. И. Собр. соч., т. 1, с. 337.
- ³⁴ Там же, т. 9, с. 27.
- ³⁵ Там же, с. 141.
- ³⁶ Там же, с. 33.
- ³⁷ Там же, т. 22, с. 284.
- ³⁸ См.: Там же, т. 2, с. 220, 226; т. 22, с. 77, 147, 157—158; т. 27, кн. 1, с. 78.
- ³⁹ Там же, с. 202.
- ⁴⁰ Кладбище (итал.; буквально: Коровье Поле, окраина Рима).
- ⁴¹ Выбит из колеи (франц.).
- ⁴² Герцен А. И. Собр. соч., т. 18, с. 89—90.
- ⁴³ Там же, т. 9, с. 146.
- ⁴⁴ Там же, т. 2, с. 220, 226; т. 9, с. 141—142, 146, 153, 156; т. 22, с. 77, 147, 157—158; т. 27, с. 78, 496.
- ⁴⁵ Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания / Вступительная ст., подготовка текста и примеч. А. Н. Дубовикова. М., 1963, т. 2, с. 323.
- ⁴⁶ Герцен А. И. Собр. соч., т. 2, с. 244—245.
- ⁴⁷ Свербеев Д.: Н. Записки. М., 1899, т. 1, с. 498; Лит. наследство, т. 79, с. 57.
- ⁴⁸ Герцен А. И. Собр. соч., т. 9, с. 156.
- ⁴⁹ Там же, с. 153.
- ⁵⁰ Во многих смыслах (франц.).
- ⁵¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 22, с. 77.
- ⁵² Там же, т. 9, с. 142.
- ⁵³ Там же, т. 27, кн. 1, с. 78.
- ⁵⁴ Там же, т. 9, с. 141—142.
- ⁵⁵ Там же, т. 27, кн. 1, с. 90.
- ⁵⁶ Там же, т. 2, с. 383.
- ⁵⁷ Там же, с. 226.
- ⁵⁸ По режиму (франц.).
- ⁵⁹ По влечению (франц.).
- ⁶⁰ Неизвестная земля (лат.).
- ⁶¹ Герцен А. И. Собр. соч., т. 2, с. 257—258.
- ⁶² Славянофилы в равной степени отрицательно относились и к Герцену, и к Чаадаеву. Характерно в этом отношении стихотворение Н. М. Языкова «К не нашим» — «ругательные стихи на Чаадаева, Грановского и Герцена», как писал о них сам Герцен (Герцен А. И. Собр. соч., т. 2, с. 396).
- ⁶³ Пляханов Г. В. Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. Иг., 1923, с. 23.
- ⁶⁴ Герцен А. И. Собр. соч., т. 2, с. 240.
- ⁶⁵ Там же, с. 334.
- ⁶⁶ Там же, с. 366—367.
- ⁶⁷ Там же, с. 33—37.
- ⁶⁸ Там же, с. 310.
- ⁶⁹ Там же, с. 35.
- ⁷⁰ Там же, с. 341—342.
- ⁷¹ Там же, с. 299—300.
- ⁷² Там же, с. 363.
- ⁷³ Там же, с. 369.
- ⁷⁴ Там же, т. 18, с. 90—91.
- ⁷⁵ Там же, т. 6, с. 217—218.
- ⁷⁶ Там же, т. 23, с. 190.
- ⁷⁷ Там же, т. 7, с. 221—223.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же, с. 144—145.

- ⁸⁰ Там же, с. 156—157.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же, с. 160.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Сочинения и письма П. Я. Чаадаева, т. 1, с. 299.
- ⁸⁵ *Michelet J. Pologne et Russie. Légende de Kosciuszko.* Paris, 1852, p. 129—130.
- ⁸⁶ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 26, с. 227.
- ⁸⁷ *Плеганов Г. В.* Очерки по истории русской общественной мысли XIX века, с. 21.
- ⁸⁸ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 9, с. 144.
- ⁸⁹ Там же, т. 27, кн. 1, с. 78.
- ⁹⁰ И. С. Гагарин — А. И. Герцену: Публикация Н. П. Анциферова. — В кн.: Литературное наследство. М., 1955, т. 62, с. 62.
- ⁹¹ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 27, кн. 1, с. 240.
- ⁹² Préface de l'éditeur. — *Oeuvres choisies de Pierre Tchaadaieff*, p. 6.
- ⁹³ *Герцен А. И.* Собр. соч., т. 20, кн. 1, с. 342.
- ⁹⁴ *Гершензон М. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление.* СПб., 1908, с. 96.
- ⁹⁵ Там же, с. 93.
- ⁹⁶ См.: Современный мир, 1908, № 1, с. 176—196; *Плеганов Г. В.* Сочинения, М.; Л., 1926, т. 23, с. 3—23.
- ⁹⁷ *Асмус В.* О новых «Философических письмах» П. Я. Чаадаева. — В кн.: Литературное наследство, 1935, т. 22/24, с. 1—6; *Шаховской Д. П. Я. Чаадаев — автор «Философических писем».* — Там же, с. 6—17; *Соловьева В.* Чаадаев и его «Философическое письмо». — Под знаменем марксизма, 1938, № 1, с. 63—83; *Каменский Э. А. П. Я. Чаадаев (Русская мысль на пути от дворянского просветительства к идеологии демократии).* М., 1946. 70 с.; *Шкуринов П. С. П. Я. Чаадаев.* М., 1960. 147 с.; *Лебедев А.* Чаадаев. М., 1965. 270 с.
- ⁹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 21, с. 257.
- ⁹⁹ Там же.